

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ (1921–1925 гг.)**

В статье выявлены и охарактеризованы противоречия, которые существовали между странами Центрально-Восточной Европы в период становления и начальной эволюции Версальской системы международных отношений.

Ключевые слова: Версальская система, СССР, Польша, Германия, Рапалльский договор, Локарно, Гарантийный пакт, межгосударственные противоречия.

После завершения Первой мировой войны страны победители создали новую систему международных отношений, которая должна была, по их расчетам, обеспечить неповторение военной катастрофы аналогичной той, которая произошла в 1914–1918 годах. Однако с момента своего создания Версальская система международных отношений несла в себя целый комплекс острых противоречий. Регионом, в котором с самого начала эти противоречия проявились с особенной остротой, была Центрально-Восточная Европа. Международное положение здесь определялось, прежде всего, взаимоотношениями между Советской Россией (СССР), Германией и Польшей. Эти страны заняли разное место в Версальской системе, что определило их разное отношение к ней и порождало значительные противоречия в регионе. Развитие этих противоречий в течение 20–30-х годов XX в. привело в конечном итоге к тому, что именно в Центрально-Восточной Европе 1 сентября 1939 г. вспыхнула Вторая мировая война.

Целью данной работы является выявление и характеристика основных противоречий, которые сформировались в отношениях между странами Центрально-Восточной Европы в первые годы существования Версальской системы. Мы ограничили верхнюю хронологическую границу нашего исследования подписанием Локарнских соглашений, которые существенно изменили международную ситуацию в названном регионе.

Данная проблема нашла определенное отображение в историографии. При изучении советско-германских отношений советская историография, как и историческая наука ГДР и ПНР, исходила с того, что рапалльский курс являлся практическим воплощением советской политики мирного сосуществования. Такая точка зрения отражена в работах А. Ахтамзяна [1], С. Микулича [2], В. Руге [3], [4]. Замалчивались ревизионистский и антипольский аспекты этой политики. Германская немарксистская историография отстаивала точку зрения, согласно которой рапалльская политика служила интересам ревизии Версаля [5,6]. Польская историография еще в межвоенное время сформировала концепцию «геополитических тисков», которые для Польши создали Россия и Германия. Соответственно, политика Рапалло рассматривалась как непосредственная угроза для польского государства [7]. Эти положения широко представлены в современной польской историографии.

После подписки Версальского, а затем и Рижского договора, в отношениях между Советской Россией, Германией и Польшей одним с наиболее спорных оставался вопрос о границах, которые установили эти договоры. Во время подготовки Рижского мира польская делегация, по словам ее секретаря Ю. Гласко, стремилась установить такую границу, которая не подогревала бы российские националистические настроения [8, с. 40]. Эту позицию наиболее активно отстаивал в Риге С. Грабский, чье влияние на ход переговоров было наиболее значительным. Расчет С. Грабского на то, что установленная советско-польским мирным договором граница удовлетворит российское правительство любой политической ориентации был неоправданный. Граница прошла значительно восточнее польской этнической границы, и с ней не могло смириться правительство России будь то советской или постсоветской. В советской политике уже в первой половине 1920-х годов прослеживается стремление подготовить условия для ревизии границы, которая была установлена Рижским договором.

Западные границы Польши были определены Версальским договором. Ни для кого не было секретом, что в Германии среди постановлений Версальского договора наибольшее неудовольствие вызвало включение в состав Польши ряда бывших германских территорий. В силу этого Польша являлась одной из стран, наиболее заинтересованных в укреплении и сохранении Версальской системы. Польский министр иностранных дел К. Скирмунт

.....
подчеркивал в августе 1921 г. в инструкции польским представительствам за границей: «Основа внешней политики – два момента: уважение договоров, которые завершили мировую войну, создание системы союзов с государствами, с которыми связывают Польшу общие интересы, прежде всего с Францией» [9, с. 126].

Между тем, два наиболее крупных соседа Польши, Германия и Советская Россия, стремились к ликвидации установленного Версалем порядка. Такое состояние вещей объективно толкало эти государства к сближению. Как писал С. Грабский, Москва и Берлин разными дорогами, скоординированными, однако, общим планом деятельности, стремились взорвать и уничтожить мир, установленный на развалинах германского мирового господства [10, с. 163]. В упоминавшейся уже инструкции К. Скирмунта отмечалась, что Польша размещена между двумя врагами и может быть атакована ими [9, с. 179]. Таким образом, то, что Советская Россия и Германия очутились в роли изгоев в рамках Версальской системы, неизбежно вызывало борьбу с их стороны против этой системы и создавало объективные предпосылки для напряженного положения в их отношениях с Польшей. Такое положение также рождало общую заинтересованность в борьбе против Версаля, толкала Германию и Россию к сближению. Итогом его стало подписание Рапалльского договора 16 апреля 1922 г. Канцлер Вирт отмечал, что главные мотивы, по которым Германия шла на сотрудничество с Россией, была та роль, которую Франция отводила Польше в европейской политике, права России на репарации согласно статье 116 Версальского договора и судьба Верхней Силезии [11, с. 10].

Польские правящие круги сразу увидели в Рапалльском договоре угрозу для своей страны. К. Скирмунт дважды выступал на совещании участников Генуэзской конференции по поводу подписания советско-германского договора и указывал на то, что Польша в результате этого подвергается особенно большой опасности. Он настаивал на том, чтобы страны Антанты и их союзники заняли решительную позицию по отношению к советско-германскому договору [12, с. 306]. Большую озабоченность в Польше вызывал вопрос о тайных военных статьях в советско-германском соглашении. На этот счет в Варшаву поступали противоречивые сведения. Посольство в Берлине 6 и 8 мая информировало министерство иностранных дел Польши, что никакой военной конвенции между Россией и Германией не существует [13, с. 38, 40]. Посольство же в Париже сообщало 11 мая, что советско-германская военная конвенция окончательно подготовлена и будет подписана в ближайшее время [13, с. 145]. В скором времени польская дипломатия все же пришла к выводу, что тайного военного соглашения между Россией и Германией не существует. В то же время польский посол в Берлине в одной со своих телеграмм довольно метко заметил, что Рапалльский договор является только началом и открывает путь для новых соглашений, в которых, при сохранении рапалльского курса, могут найти отражение обязательства сторон о взаимной помощи [13, с. 40].

На наш взгляд, не вызывает сомнения стремление правящих кругов Германии использовать сотрудничество с Советской Россией в борьбе с Версальской системой. Как отметил германский посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау, хорошие отношения с СССР – главное средство антиверсальской политики Германии [14, с. 528]. В силу сложившейся геополитической ситуации одним с первых объектов ревизии послевоенного статус-кво должны были стать границы Польши. Как писал в своих мемуарах известный германский дипломат Г. Дирксен, в основе русско-германской дружбы «лежала совместная нелюбовь к своему общему соседу – Польше» [15, с. 37]. Этот тезис находит подтверждение в заявлениях и других влиятельных политических деятелей Германии. Генерал Сект высказывался за ликвидацию независимой Польши и установление непосредственной границы с Россией. В меморандуме канцлеру Вирту от 11 сентября 1922 г. он подчеркивал, что с падением Польши исчезнет один с главных защитников Версаля. Генерал считал, что добиваться этого надо совместно с Россией [16, с. 39]. Канцлер Вирт разделял эту точку зрения. В разговоре с назначенным послом в Москву У. Брокдорф-Ранцау он так сформулировал задачи германской политики применительно к Польше: «С Польшей надо кончать. Моя политика стремится к этой цели» [17, с. 153]. Правда, он высказал сомнения, что в этом деле можно ждать большой поддержки со стороны России [18, с. 541].

Нам представляется, что Рапалльский договор в первый период его действия не представлял непосредственной угрозы для Польши. Россия и Германия не имели еще достаточно сил, чтобы начать активные действия. Но Рапалльский договор позволял

.....
объединиться двум государствам, которые стремились к ликвидации Версальской системы, что не соответствовало интересам Польши.

Новый виток в нарастании напряженности в регионе произошел в связи с рурским кризисом. Советское правительство в своей политике исходило из того, что в случае подчинения Германии французскому влиянию, СССР лишится своего единственного союзника в Европе, а Версальская система приобретет дополнительную прочность. Это ни в коей мере не соответствовало интересам Москвы. Названные обстоятельства делали неизбежной прогерманскую позицию СССР во время рурского кризиса. Польша же была заинтересована в полной победе Франции в конфликте с Германией, ведь это укрепляло бы Версальскую систему. Советский полпред в Варшаве Л. Оболенский сообщал о сильном давлении Франции на Польшу с требованием «немедленной акции содействия в рурском вопросе». Далее он отмечал, что Польша не поддается на это давление, так как боится советского вмешательства [19, с. 49]. Своей кульминации международный кризис в Восточно-Центральной Европе в связи с событиями в Германии достиг осенью 1923 г. В конце сентября – начале октября советское руководство пришло к выводу о неизбежности пролетарской революции в Германии. Москва считала необходимым обеспечить благоприятные международные условия для ее победы. И тут на первый план выходила задача не допустить вмешательства Польши в германские дела. Было очевидно, что Польша, зажата между советскими Германией и Россией, не сможет сохраниться как независимое государство, произойдет ее советизация. Потому, как отмечал в своей телеграмме от 28 сентября в Москву Л. Оболенский, в польской политике «красной нитью проходит стремление все усилия направить на то», чтобы помешать «смычке» между революционными силами Германии и Советской России [19, с. 205, 206]. События в Германии в 1923 г. стали еще одним фактором, отрицательно повлиявшим на советско-польские отношения. Эти события внесли существенные коррективы и в германо-советские отношения. Попытка СССР осуществить экспорт революции в Германию подтолкнула последнюю к внесению изменений в свою внешнюю политику, суть которых заключалась в усилении западного вектора.

В ходе рурского кризиса Польша использовала заинтересованность Франции в ней как в своей союзнице для получения международного признания польско-советской границы. 15 марта 1923 г. Совет послов Антанты принял дополнительный протокол к Версальскому договору, согласно которому восточные границы Польши получили международное признание. Тем самым, Рижский договор юридически становился частью Версальской системы. Соответственно, для СССР борьба за пересмотр Рижского договора еще в большей степени переплеталась с борьбой против Версаля.

С начала 1924 г. становится очевидным сближение Германии с Западом. Безусловно, для пересмотра послевоенного статус-кво Берлин мог рассчитывать на поддержку СССР. Но возник вопрос, достаточно ли этой поддержки для ревизии Версаля. В связи с этим германская дипломатия пытается через сближение с бывшими противниками по войне найти пути для пересмотра некоторых наиболее неприемлемых для Германии условий Версальского договора. Нормализация отношений Германии со странами Запада справедливо воспринималась в Варшаве как угроза Версальскому договору и, соответственно, польским государственным интересам.

Сближение Германии с Западом вызвало озабоченность и в Москве. Как считало советское руководство, тем самым создавалась угроза рапалльскому курсу. Казалось, складывавшаяся ситуация создавала предпосылки для улучшения отношений между СССР и Польшей. Однако эта возможность не была реализована. Для советского руководства сохранение дружеских отношений с Германией было приоритетом внешней политики. Потому и конфликт с Германией по поводу событий в советском торговом представительстве 3 мая 1924 г. был урегулированный довольно скоро. Причем, как отметил польский посол в Берлине, ухудшение германо-советских отношений в тот момент не затронуло единственного вопроса – негативного отношения СССР и Германии к Польше [11, с. 12]. Можно отметить и более широкую базу для советско-германского сотрудничества в то время. В меморандуме советского правительства правительству Германии от 2 июня 1925 г. отмечалась, что в основе рапалльской политики лежит молчаливое непризнание обоими сторонами режима, «который был установленный в Европе в результате серии послевоенных договоров» [20, с. 351]. То есть, целью советско-германского сотрудничества была ликвидация Версальской системы. И первым

.....
элементам Версальской системы, против которого совместно выступали СССР и Германия, были польские границы.

Представители советского правительства иногда откровенно говорили о непризнании границы, установленной Рижским договором. В апреле 1924 г. бурную реакцию в Польше вызвало заявление председателя советского украинского правительства Петровского о том, что между УССР и Восточной Галицией нет границы, а есть только временная линия [21, с. 22]. В августе 1924 г. польская печать активно обсуждала высказывание руководителя советской делегации на переговорах с Англией Раковского, которое содержало тезис о непризнании включения Восточной Галиции в состав Польши [22]. Выступая в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) И. Сталин отметил, что Версальский договор узаконил, помимо другого, «потерю украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Беларусь западной ее части, потерю Литвой Вильно и другое» [23, с. 14]. Из этого тезиса вытекает вывод о несправедливости этих потерь и необходимости эту несправедливость исправить.

Отмечая стремление СССР и Германии к пересмотру польских границ, необходимо сказать, что и в польской правящей элите были распространены настроения, которые предусматривали отторжение определенных территорий от соседей Польши с целью ослабления. В отношении СССР это нашло отражение в политике прометеизма. Она включала в себя секретные действия по поддержке сепаратистских движений на национальных окраинах России. Применительно к Германии польские политики и военные считали необходимым поставить под польский контроль Восточную Пруссию, которая, по их мнению, дамкловым мечом нависала над Польшей. В меморандуме польского МИД от 6 августа 1924 г. отмечалось, что немцы не согласятся с Версальским договором и только ждут момента, чтобы восстановить довоенные границы на востоке. Дальше указывалось, что кардинальным способом обеспечения границ и независимости Польши со стороны Германии «является независимость Восточной Пруссии от Пруссии и империи и подчинение ее польскому влиянию» [9, с. 263, 265].

Дальнейший рост противоречий между странами Центрально-Восточной Европы связан с подготовкой Гарантийного пакта. В конце лета 1925 г. стала очевидной неудача польской дипломатии в борьбе за придание дополнительных международных гарантий польско-германской границе. Проектируемые соглашения открывали возможность для Германии поставить вопрос о мирном пересмотре польско-германской границы. В январе 1925 г. МИД Германии был подготовлен меморандум «О немецких национальных меньшинствах», в котором в качестве первоочередных задач германской внешней политики называлась «постепенная ревизия ... пограничных постановлений по мирному договору (польский коридор, Верхняя Силезия)...» [24, с. 35]. Как следует из этого документа, именно германо-польская граница уже в середине 1920-х годов намечалась как наиболее близкий объект ревизии территориальных постановлений Версальского договора. 18 мая Г. Штреземан выступил в рейхстаге с речью, в которой подчеркнул, что Германия не отказывается от планов ревизии германо-польской границы ненасильственными методами, т. к. эта граница противоречит принципам самоопределения народов [25]. В своих мемуарах Г. Штреземан прямо писал, что Германия в Гарантийном договоре не могла дать официальных гарантий границ на востоке, и должна была оставить за собой право пересмотра их мирным путем [26, с. 39].

Чтобы принудить Польшу отдать Померанию и Верхнюю Силезию, Германия с 15 июля 1925 г. развязала против нее экономическую войну. Г. Штреземан писал германскому послу в Лондоне 19 апреля 1926 г.: «Мы должны оттягивать вопрос окончательного и прочного оздоровления Польши, пока эта страна не созреет для пересмотра границ в соответствии с нашими требованиями...» [27, с. 249]. В вопросе о ревизии польских границ Германия находила взаимопонимание с Советским Союзом. Выше уже говорилось о заявлениях советских политиков по непризнанию польской границы. На начавшихся в декабре 1924 г. германо-советских переговорах немцы предложили их предметом сделать вопрос об оттеснении Польши к ее этническим границам. По поручению Г. Штреземана посол У. Брокдорф-Ранцау встретился с Г. Чичериным и довел до его сведения указанный план решения польской проблемы [1, с. 132–133]. Советский нарком иностранных дел не отверг германские предложения относительно пересмотра польских границ.

В условиях подготовки Гарантийного пакта Москва была озабочена тем, что Германия гарантирует западные границы Польши. Г. Штреземан на встрече с советским полпредом в Берлине Н. Крестинским 15 апреля 1925 г. отметил намерение Германии добиваться

пересмотра границы с Польшей всеми мирными средствами [26, с. 512, 513]. Однако и после этого Г. Чичерин во время нахождения с визитом в Берлине в начале октября 1925 г. высказывал озабоченность в связи с возможным даже косвенным подтверждением Германией границы с Польшей. На это Г. Штреземан ответил, что Германия никогда не пойдет добровольно на предоставление гарантий Польше [26, с. 515]. 10 октября германский министр иностранных дел направил советскому представительству в Берлине меморандум, в котором указывалось, что о гарантиях восточных границ Германии в проекте Гарантийного пакта нет и речи [26, с. 512].

Советское руководство напрасно было озабочено возможными гарантиями для польских восточных границ. Г. Штреземан в письме бывшему кронпринцу от 9 сентября 1925 г. отмечал в качестве наиболее важных задач германской внешней политики «возвращение Данцига, польского коридора и корректировку границ в Верхней Силезии» [26, с. 553]. Германские планы по ревизии германо-польской границы в связи с подписанием Гарантийного договора не изменились. Локарнские соглашения не урегулировали территориальных споров, которые существовали в Центрально-Восточной Европе. То, что границы в регионе не получили дополнительных международных гарантий, подталкивало и Германию, и СССР к попыткам их ревизии.

Таким образом, в Центрально-Восточной Европе уже в первой половине 1920-х годов сформировалась серия острых международных противоречий, связанных в первую очередь с территориальными спорами между государствами региона и их разным положением в Версальской системе международных отношений. Локарнские соглашения, явившиеся по сути попыткой определенной модернизации Версальской системы, не смогли снять основные противоречия между государствами региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахтамзян, А.А. Рапальская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932 / А.А. Ахтамзян. – М.: Международные отношения, 1974. – 303 с.
2. Mikulicz, S. Od Genui do Rapallo / S. Mikulicz. – Warszawa, 1966. – 248 s.
3. Руге, В. Германия в 1917–1933 годах / В. Руге. – М.: Прогресс, 1974. – 320 с.
4. Руге, В. Движущие силы рапальской политики Германии / В. Руге // Рапальский договор и проблема мирного сосуществования. – М.: Изд. ин. лит., 1963. – С. 85–105.
5. Milcke, K. Deutschland und Russland. 1914–1941 / K. Milcke. – Hannover: Miller und Fogell, 1960. – 381 s.
6. Roos, H. Polen und Europa / H. Roos. – Tüdingen, 1957. – 487 s.
7. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrzeźnia 1939 r. / S. Mackiewicz. – Warszawa: Glos, 1990. – 327 s.
8. Kowalec, K. Narodowa demokracja wobec traktatu ryskiego / K. Kowalec // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. Studia pod red. M. Wojciehowskiego. – Torun: Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 31–46.
9. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918–1938: w 2 t. 1918 – Warszawa: Inst. Wyd. Pax., 1989. – Т. 1. – 540 s.
10. Grabski, St. Godziennych walk i rozważań / St. Grabski. – Poznań: Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. – 168 s.
11. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939 / L. Grosfeld. – Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
12. Материалы Генуэзской конференции. – М.: Изд. НКВД, 1922. – 372 с.
13. Archiw Akt Nowych. MSZ. Sygn. 6629.
14. Рубинштейн, Н. Внешняя политика советского государства в 1921–1925 годах / Н. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1953. – 92 с.
15. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
16. Rosenfeld, G. Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo i Lokarno / G. Rosenfeld // Kwartalnik historyczny. – 1963. – № 1. – S. 26–48.
17. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. – 1966. – Т. 2. – S. 253–265.
18. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло. Сборник документов: в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
19. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 212. – Д. 52567.
20. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
21. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 213. – Д. 52596. – Т. 2.
22. Известия. 1924. 19 августа. № 187 (2222). – С. 2.

23. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1926. – 657 с.
24. Dokumente zur deutschen Geschichte 1919–1923. – Berlin: Deutscher Verl. der Wissenschaft, 1975. – 104 s.
25. Известия. 1925. 20 мая. № 113. (2446). – С. 3.
26. Stresemann, G. Vermachtnis: in 3 b / G. Stresemann – Berlin, 1932. – В. 2. – 611 s.
27. Паевский, Я. Немецкие попытки натиска на Восток в период империализма / Я. Паевский // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. – М.: Прогресс, 1965. – с. 237–251.

Miazga M.M. Contradiction of the Versailles system in Central and Eastern Europe (1921–1925)

The article identifies and discusses the contradictions among countries of Central and Eastern Europe during formation and initial evolution of the Versailles system of international relations.

Keywords: Versailles System, the USSR, Poland, Germany, Treaty of Rapallo, Locarno, Rhineland Pact, interstate contradictions.

Мезга М.М. Протиріччя Версальської системи в Центрально-Східній Європі (1921–1925 рр.)

У статті виявлено та охарактеризовано протиріччя, що існували між країнами Центрально-Східної Європи в період становлення та еволюції Версальської системи міжнародних відносин.

Ключові слова: Версальська система, СРСР, Польща, Німеччина, Рапальський договір, Локарно, Гарантійний пакт, міждержавні протиріччя.

УДК 94(47+57)

А. І. Пожляцька

**ФОРМУВАННЯ ОБРАЗУ РАДЯНСЬКОЇ ЖІНКИ НА СТОРІНКАХ ЖУРНАЛЬНОЇ
ГРАФІКИ СРСР У 1920-1930-Х РР.**

У статті досліджується процес конструювання та трансформації візуального образу радянської жінки у періодичних виданнях СРСР 1920-1930-х рр. аналізуються методи та прийоми зображення жінок. У статті наголошується, що формування жіночого образу залежало перш за все від політичного курсу радянської держави, а періодичні видання виступили конструкторами нової ідентичності.

Ключові слова: «нова радянська жінка», робітниця, селянка, «обивателька», журнальна графіка, репрезентація, візуальна пропаганда, радянська ідеологія.

Більшовицький переворот 1917 р. та формування нової радянської держави зумовили зміни в усіх сферах життя людей. Радянська влада потребувала розробки універсальних засобів комунікації, які були б простими й зрозумілими для населення. У перше десятиліття радянської влади тривав процес розробки і створення нового символічного ряду. Важливу роль у формуванні культурного і політичного дискурсу нації відіграла радянська друкована преса. Загалом журнали як культурний феномен є одним із способів репрезентації соціальної реальності і тих культурно-ідеологічних цінностей, які склали смислове підґрунтя цього історичного періоду. При цьому вони не тільки репрезентували, але й конструювали соціальну реальність, будучи провідником офіційної ідеології і владних відносин.

Важливою частиною формування образу «нової радянської людини» було конструювання жіночого образу та ідентичності. Останнім часом інтерес вітчизняних та зарубіжних науковців до вивчення жіночої історії значно виріс. Серед українських дослідників різноманітні аспекти гендерних відносин радянського періоду вивчають О. Кісь [1; 2], О. Лабур [3], О. Пода [4], І. Ігнатенко [5], О. Стяжкіна [6] тощо.

Так, зокрема, О. Лабур досліджувала радянські журнали «Комунарка України» і «Селянка України» як історичне джерело вивчення жіночої історії. І. Ігнатенко та О. Оприско аналізували зміни у правовому та соціальному становищі жінок СРСР у 1920-1930-ті рр. та вплив радянської ідеології на уявлення про жіночу красу, а О. Пода вивчала конструювання образу жінки-героїні на сторінках журналу «Радянська жінка» 1950-х рр.